

Регина Есенина

A dark, atmospheric scene of a ruined city. In the foreground, a person is silhouetted against a dark background, standing on a structure that looks like a bridge or a walkway. The background is filled with the skeletal remains of tall buildings, some with cranes still attached, suggesting a city in ruins. The sky is dark and cloudy, with some light breaking through, creating a somber and desolate mood.

ПЕПЕЛ

Регина Есенина

Пепел

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40148466

ISBN 9785449391674

Аннотация

Война. Обрушившаяся на планету мировая ядерная катастрофа превратила ее в страшное пепелище. Города стали пустынями, а от людей, их населявших, остались только оболочки. Как же выжить в разрушенном мире и остаться при этом человеком?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пепел

Регина Есенина

© Регина Есенина, 2020

ISBN 978-5-4493-9167-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Они очнулись где-то ближе к вечеру. Два солдата, которые лежали на дне оврага и которых притащили сюда и заботливо уложили на спальные места. Солдаты сели на лежанках и огляделись – они были в огромной палатке, обставленной, бог знает какой, мебелью, а за столом в середине сидели и ели мужчина и женщина – судя по всему, муж и жена. На коленях женщины полулежал маленький ребенок и тянул свои крошечные ручки к тарелке с жареным мясом, которое женщина с теплой улыбкой отодвигала подальше. Мужчина оторвал кусок чего-то очень напоминающего хлеб, и отправил себе в рот. Вдруг он словно почувствовал на себе взгляд и обернулся.

– Наконец-то вы пришли в себя, – прожевав еду, сказал он. – А мы думали, вы проспите еще несколько дней.

Женщина тут же повернулась к ним, инстинктивно прижав к себе ребенка, а потом и вовсе положив его в некое подобие люльки в глубине палатки. При ближайшем рассмотрении она оказалась совсем еще девушкой.

– Сколько времени мы здесь? – спросил один из солдат.

– Два дня, – коротко ответил мужчина. – Можете поесть.

Солдаты благодарно кивнули и подсели за стол. Там их ждала несколько странная, но, все же, еда.

– Откуда вы? Почему вы оказались в овраге? – тихо спро-

сила девушка. – Вы сами по себе или?..

– Мы солдаты Государства. Наша миссия здесь... – солдат прервал сам себя, – мы вступили в неравный бой и подорвались, поэтому нас отбросило ударной волной в овраг.

По лицам мужчины и девушки можно было прочесть только один вопрос – «какова ваша миссия?», но отвечать на него никто не спешил.

– Что ж, спасибо, – солдаты доели и вытерли свои рты рукавами форменных курток. Затем встали из-за стола и вытащили пистолеты. – Извините.

– Что происходит? – нахмурился мужчина, сжимая кулаки и глядя на оружие. – Что вам от нас нужно?

– Вы находитесь на зараженной территории. Наша миссия, – начал другой солдат, – зачистить весь этот квадрат, живых не оставлять. Извините, это приказ.

В глазах четы появился страх вперемешку со злобой. Мужчина открыл было рот, чтобы наверняка закричать «бери ребенка и беги», но солдаты выстрелили быстрее. И еще быстрее была девушка, рванувшаяся вперед и закрывшая собой мужа.

– Нет!..

По ее вытянутой бесформенной кофте медленно расплзлись два темных кровавых пятна, и она с тихим стоном осела на пол. Все застыли, только в люльке, разрывая наступившую тишину, плакал ребенок.

Мужчина взревел, переворачивая стол навстречу новым

пулям, и кидаясь на солдат. Тех свалило с ног, и он налетел сверху, заламывая руки, вырывая пистолет, насаживая шей на гвоздь, торчащий из земляного пола, одного, и целясь между глаз второму.

– Ублюдки, я убью вас всех по одному, – выплюнул он, прежде чем выстрелить. – Все ваше Государство.

Голова второго солдата запрокинулась назад, и кровь из простреленного лба густым ручьем потекла на пол.

Мужчина бросил пистолет и упал перед женой. Она еще слабо дышала, когда он перевернул ее на спину, кладя ее голову себе на колени. Она приоткрыла глаза:

– Ты всегда меня спасал. Ты сказал тогда, что я по-глупому рискую жизнью, но это... было не глупо.

– Ангел мой, – голос мужчины дрогнул. – Не надо было...

– Не беспокойся, – девушка закашлялась – из ее рта текла кровь.

Она хотела было еще что-то сказать, но снова зашлась кровавым кашлем, по ее телу пробежала судорога, и открытые серые глаза остекленели. Мужчина зажмурился, опустив голову, и из его глаз на ее лицо капнули слезы.

На звуки выстрелов в разворочанную палатку так быстро, как только мог, забежал мужчина, но увидев, что произошло, тут же развернулся и велел всем остальным, пришедшим позже, оставаться снаружи. Он повернулся, поправил очки и тихо позвал вдовца по имени, но тот не отозвался.

– Убью... убью всех, – шептал он, раскачиваясь на полу

и уткнувшись носом в волосы погибшей жены. — Всех до единого.

Глава 1

Потолок был серым. Странно, раньше мне казалось, что он белый, но теперь, когда я начала пристально его рассматривать, он оказался совсем не таким, каким был раньше. Или это копоть, долетевшая сверху?

На поверхности опять тряхнуло, а на лестнице загрохотали обломки, и я крепче сжала руками колени, не обращая внимания на падающую за шиворот штукатурку. Пусть сыпется, это не важно, важно только то, что происходит снаружи.

Я могла только догадываться о том, что там творится, и это было куда хуже, чем знание, ведь воображению открывался такой простор, который сейчас и представить было страшно. Что стало с нашими родными, которые все сейчас на параде на главной площади города? Они мертвы, или у них есть шанс, как у нас?

У нас – это у тех нескольких человек нашей школы, чудом оказавшихся не в общей толпе на площади, а здесь.

– Эй, успокойся, – рядом присел Березов.

Я осознала, что раскачиваюсь, сидя, и меня мелко трясет, но взгляда от потолка не отвела. Хотелось ответить, что все относительно в порядке, только язык совсем не ворочался, поэтому я просто кивнула головой.

В подвале каким-то чудом горели лампочки, освещая

нас – грязных, напуганных взрослых, детей и подростков. Когда все началось – странно, ощущение, как будто мы здесь оказались только что, – мы не нашли лучшего выхода, чем укрыться от разрывающихся на улице снарядов здесь. Я закрыла глаза, но картинка из головы упрямо не желала стираться – на улице, совсем рядом, взрывается ракета, и окна просто разбиваются внутрь класса, а меня подбрасывает на месте, прикладывая головой о парту. Все звуки отходят куда-то далеко, и я размякаю. Просто не могу пошевелиться. В класс залетает Березов – по его лицу со лба течет кровь. Он хватает меня за руку – это отрезвляет, и мы бежим по коридору, сталкиваясь с немногими, пришедшими в каникулы в школу, вниз, в подвал. За нами несутся люди, отовсюду летит пыль и сыплются куски стен, а мы упрямо продолжаем продираться сквозь все это, дальше, поскользываясь на осколках, чудом не падая на лестнице, и, в конце концов, закрывая за собой тяжелую железную дверь, через проем которой уже начинают падать камни, и оказываясь в безопасности.

Предплечье, в котором застрял осколок стекла, довольно удачно торчащий из плоти, неприятно пульсировало, а голова, казалось, вот-вот лопнет. Я приложила здоровую руку к уху и отняла, почувствовав что-то мокрое – на пальцах осталась кровь.

– Здорово приложило, – с трудом пробормотала я, вздыхая и вытирая ладонь о джинсы.

– Тебе нужна помощь, – Березов заметил мой маневр и покачал головой, осторожно беря раненую руку в свои ладони.

Я посмотрела на его лоб, на котором уже запеклась кровь. Перевела взгляд на рассеченную губу и высвободила свою конечность.

– Вам самому нужна помощь.

– Ерунда, – отмахнулся он. – Во мне, по крайней мере, не застряли стекла.

Он поднялся с пола, подходя к сваленным в кучу таблеткам и бинтам, которые кто-то так предусмотрительно успел схватить в мед. кабинете, и вытаскивая оттуда перекись с марлей.

– Откуда вы знаете, что не застряли? – спросила я, когда он вернулся. – Что вы делаете, я и сама могу...

Александр Викторович уже обработал перекисью место вокруг осколка, и теперь прицеливался, чтобы вытащить его.

– Если бы во мне застрял хоть один... – мужчина неожиданно потянул стекло из плоти, и я зажмурилась от боли, – то я бы почувствовал.

Когда он полил на это место перекисью, стало намного хуже.

– Не факт, – пробормотала я. – Не так сильно... – Березов уже заматывал рану бинтом.

– Интересно, кто принес все медикаменты, – задумчиво произнес он, ослабляя марлю.

– Я, – раздался голос за его спиной.

К нам подошел Колосовский, поправляя чудом не разбившиеся очки.

– Выбежал оттуда как раз вовремя, ракета за мной, похоже, угодила прямо в окно. Я не успел захватить все, что там было, и, боюсь, этого не хватит.

– Но это хоть что-то, – покачала головой я.

Информатик неопределенно кивнул головой, и в этот момент на поверхности снова раздался грохот, сопровождаемый заходившими ходуном стенами и миганием лампочек.

– Сколько это уже продолжается? – тихо спросила я, когда залп прекратился.

– Сорок семь минут, – ответил резкий голос с другого конца подвала.

Я посмотрела в ту сторону – говорил Лосев. Он сидел на гимнастической скамейке, прислонившись спиной к стене, и играл с зажигалкой. На руке у него красовались дорогие часы чудом не разбившиеся.

На самом деле, это был первый раз, когда он отреагировал на то, что я говорю. Видимо, то, что он учился в одиннадцатом классе, а значит, был на год старше меня, делало его выше меня по статусу или умнее и ставило меня в один ряд с общей биомассой – или он сам так считал, что было наиболее вероятным вариантом.

– Спасибо, – поблагодарила я за время, кивая.

– Не стоит благодарности, – процедил парень.

Итак, эти сорок семь минут мы просидели здесь в напря-

женном молчании, которое потихоньку начало разряжаться только сейчас. Это казалось странным – возможно, просто-напросто потому что никто из нас никогда не попадал в подобное.

– Нужно осмотреть всех остальных, – обратилась я к Березову и Колосовскому. Историк и информатик кивнули.

На первый взгляд все остальные – пятеро подростков и одна престарелая учительница – выглядели неплохо. Крови почти не было видно, только грязь.

Василий подошел к Нике и Маше – они сидели на полу, прижавшись друг к другу и дрожа. Ника была из восьмого класса, а Маша – из десятого, и, несмотря на разницу в возрасте, они были хорошими подругами.

– Девочки, вас задело стеклами? – осторожно спросил информатик, присев на корточки перед ними.

Они как будто смотрели сквозь него, но на его голос отрицательно помотали головами.

– Точно?

На этот раз утвердительные кивки. Колосовский вздохнул, пробормотав «у них шок», а Березов, тем временем, подошел сначала к Лосеву, у которого скулу пересекла длинная царапина, а на подбородке красовался фиолетовый синяк, потом к Сереже Жукову, пребывающему в шоке и наотрез отказывающемся от осмотра, а потом к Нежину. Последний замаялся и закатал штанину – на лодыжке была кровь, а осколка видно не было вовсе – он вошел слишком глубоко.

– Я не вытащу, – покачал головой историк.

Дорога – престарелая учительница русского и литературы, с настоящей фамилией Дорогина – было, подалась вперед на том месте, где она сидела, но остановила себя и вернулась в прежнее положение. Судя по всему, ее самочувствие было в порядке – когда все началось, она была здесь, в подвале.

– Зинаида Николаевна? – обратился к ней Василий Гаврилович.

Она отрицательно хмыкнула.

– Можно попробовать оставить его там, – подала голос я, – но не факт, что все обойдется без последствий.

– Предлагаешь просто оставить кусок стекла у него в ноге? – скептически спросил Лосев.

– Если ты можешь его вытащить – вперед, не будем мешать, – спокойно ответил информатик.

Нежин испуганно перевел взгляд с него на Лосева, с Лосева на меня, а потом на Березова.

– Не надо, – пискнул он, наконец.

Я посмотрела на парня – он был из параллельного с Никой класса и выглядел существом абсолютно безвинным. Светлые волосы, широко распахнутые серые глаза, дрожащие руки, поддерживающие закатанную штанину.

– Даня, ты уверен? – я подошла к нему и присела перед ним на корточки. – Мы можем попробовать вытащить его сейчас, и тебе, конечно, будет больно, но если мы оставим

эту штуку в твоей ноге, то она будет болеть постоянно.

Нежин неуверенно кивнул.

– Хорошо, – подытожил Березов.

В комнате воцарилось молчание, которое нарушил очередной залп, длившийся дольше предыдущих.

– Когда мы сможем выбраться отсюда? – спросила я, когда на поверхности все стихло.

– Ты уже думаешь выбираться? – переспросил Колосовский. – Не хочешь подождать, пока это все закончится?

Я пожала плечами:

– Скорее всего, все уже закончилось. По крайней мере, этот залп был длиннее предыдущих.

«И ты ощущаешь тишину, наступившую после него? Она другая... я не могу объяснить этого, но она другая. Безжизненная и абсолютная, даже здесь. Неужели никто этого не чувствует?..»

– Вполне вероятно, что он был последним, – поддержал меня Березов.

Судя по лицу информатика, то, что мы говорили, казалось ему полным бредом, и если бы не ситуация, он бы не преминул нам об этом сообщить. Но сейчас он просто повел плечами и промолчал.

– Я могу попробовать разобрать завалы на лестнице через некоторое время, – почесал затылок историк.

Я посмотрела на него – большой, наверняка мягкий и теплый Березов совсем не вязался с образом того, кто таскает

куски стен.

– Вы хотите отсюда уйти? – подал едва дрожащий голос Жуков. – Зачем? Так быстро?

– Да, почему мы не можем остаться здесь? – тихо проговорил Нежин.

– Мы не можем оставаться здесь вечно, – бросила я, попытавшись привычно скрестить руки на груди, но безрезультатно из-за раны.

Своим заявлением я заслужила скептические взгляды Василия, Лосева и Жукова, но на них было как-то наплевать. Из этого подвала нужно было выбираться, прямо сейчас. Я чувствовала, что еще чуть-чуть – и просто сойду с ума от пребывания здесь. Пусть на поверхность, где бомбежка, только не оставаться здесь.

– Предлагаю подождать немного, – мягко произнес Березов. – И попробуем выбраться. Мы действительно не можем оставаться здесь насовсем.

Я благодарно посмотрела на него, тут же вспоминая о его ранах.

– А пока, – я взяла перекись и вату, подходя к нему ближе, – нужно обработать ваш лоб.

Александр покорно присел, давая мне доступ к своей голове, и я быстро нашла место, откуда сочилась кровь. Обработав царапину, оказавшуюся, к счастью, неглубокой, я перевела взгляд на губу.

– Зашить бы...

Конечно, я не была уверена, что мы найдем в подвале нитки и иголку, и еще больше не была уверена в том, что я смогу зашить живого человека, но констатировать факт было необходимо, чтобы он понял, что это серьезно.

– Само заживет, – отмахнулся Березов.

Я нахмурилась, но решила его не переубеждать.

– Как скажете, – выдохнула я, но рану продезинфицировала.

– Спасибо, – он улыбнулся уголком рта, когда я закончила.

Мы встретились взглядами, и я поспешно опустила глаза, бурча что-то вроде «не за что, берегите себя». Нечего ему знать лишнего обо мне, даже в нашем нынешнем положении, а глаза могут сказать многое, даже если тебе совсем некогда понимать это.

Мы расположились по, в общем-то, небольшому, подвалу, который, на самом деле, раньше был гардеробом, довольно далеко друг от друга. Я сидела у стены так, что мне отлично видно было вход, располагавшийся по левую руку. Рядом со мной полулежал Березов, напротив нас сидели на гимнастической лавке Василий вместе с Нежиным и Жуковым. Информатик снял очки и держал их в руке. Он сидел, прижавшись затылком к стене и зажмурившись. Даня и Сережа неловко жались к нему, ища поддержки, но я видела, что Колосовскому самому сейчас эта поддержка необходима. Ника и Маша по-прежнему дрожали, но уже меньше. Они сидели слева, рядом с входом. У Дороги плохо получалось устро-

иться на холодном и жестком полу, а Лосев вообще ушел в соседний коридор, тот, который не был завален обломками. Я вытащила телефон, у которого по экрану пошла трещина от попавшего в него куска стены, но он даже не включился. Похоже, связи больше нет, и не будет.

Казалось, мы с Березовым тут самые спокойные, несмотря на то, что я отчетливо видела панику в его взгляде, направленном на носки собственных ботинок. И хоть на историке лица не было, он держался. А я? Не знаю, почему еще не начала паниковать. Наверное, еще не вышла из оцепенения и не свыклась с мыслью, что мы выжили. Или лелеяла надежду, что выжили и наши близкие.

В ушах стояла тягучая тишина, не нарушаемая теперь ничем. Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем Березов произнес:

– Похоже, все закончилось.

Глава 2

Я вздрогнула, услышав его голос. Нет, он не был странным или чужим, – ну, разве что, немного хриловатым – но такое внезапное беспардонное нарушение тишины казалось неожиданно неприятным. Как будто ему надо было сначала попросить безмолвное разрешение. Я поежилась от таких мыслей, они звучали, по меньшей мере, абсурдно.

– Я, все же, попробую разобрать завал на лестнице, – сказал Березов, вставая и смотря на Колосовского, который оторвался от стены и надел очки.

– Хорошо, – с заминкой ответил информатик. – Но будь осторожен.

Мужчина кивнул и поспешно удалился. Мы проследили за его фигурой, а затем тенью, пока она окончательно не скрылась за поворотом.

– Почему лампочки все еще горят? – обратилась я к Василию.

– Я не знаю, – задумчиво ответил он, поднимая глаза на два тусклых источника света. – По идее, они должны были давно вырубиться, как и весь свет в городе.

– Вот именно, – кивнула я.

– Вы чего, молодежь. Школа же стоит на фундаменте старого бункера, – вдруг раздался голос Дороги.

Мы с Колосовским тут же повернули головы к ней.

– Раньше тут было все, что нужно для того, чтобы выжить. Школу построили здесь в начале девяностых – именно тогда бункер потерял смысл в глазах верхушек. Отсюда и горящие лампочки, – пожала плечами учительница.

– Автономный электрогенератор... – протянул информатик, потрясенно смотря на Дорогу.

Я ушам своим не верила. Почему об этом не было написано в истории школы? И почему Дорога так хорошо об этом знает, если даже Василий слышит это в первый раз?

И в этот самый момент лампочки, как по команде, отчаянно замигали и затем погасли – кажется, автономный электрогенератор приказал долго жить.

Мы оказались в кромешной темноте.

– Приплыли.

Глаза упрямо отказывались привыкать к новой обстановке, а все остальные уже начали впадать в панику. Кто-то вскрикнул, началось беспокойное шевеление в другом конце подвала, в конце концов перерастающее во что-то большее. Этот шум, смешавший в себе крики, возню, плач и бог знает еще что, болью пульсировал в ушах и голове. Я почувствовала, что моя черепная коробка сейчас просто взорвется.

– Прекратите! – завизжал кто-то. – Захлопнитесь! Хватит!..

Все, испугавшись еще больше, замолчали.

– Пожалуйста, замолчите! – кричал голос отчаянно; казалось, еще немного, и он сорвется.

– Успокойся, – отчетливо раздался голос Василия где-то совсем рядом.

Подвал прорезал луч света, и я увидела, как информатик склонился над скрючившейся на полу и кричащей Никой, обеспокоенно светя ей в лицо фонариком, висевшим на брелке на его ключах.

Девочка словно не слышала его, и продолжала выть, но крик ее постепенно успокаивался. Через несколько секунд она открыла заплаканные глаза и тут же сощурилась от яркого света.

– Извините, – потрясенно пробормотала она, с трудом принимая сидячее положение.

– Все уже хорошо, – перед ней присела Маша, обнимая и помогая встать. – Пойдем, сядем на лавку.

Они осторожно отошли. Все остальные молчали.

– Что случилось? – из ниоткуда появился Березов. С закатанными рукавами рубашки, так же закатанными широкими штанами, весь в пыли и снова идущей из губы кровью он все так же не вязался с образом того, кто разгребает завал и таскает кирпичи и куски стен. – Почему погасли лампочки?

– Электрогенератор сдох, – отозвалась я.

– Это плохо, – нахмурился и совсем не удивился историк. – Потому что фонарика надолго не хватит, а лестница полностью заблокирована, и, скорее всего, все обрушится, если я попробую сдвинуть там то, что нужно для образования прохода.

Мы переглянулись друг с другом. Вопрос «что теперь делать?» висел в воздухе и был настолько осязаем, что, казалось, его можно потрогать, если протянуть руку.

– Мы заперты на ночь? – поинтересовался Лосев, выйдя из коридора, но на его шутку никто не отреагировал. Все пытались осмыслить происходящее и сделать свои выводы.

– Я хочу кушать, – тихо сказал Нежин, и мой желудок, совершенно солидарный с этими словами, громко заурчал.

– Мы не сможем поесть, пока не выберемся на поверхность, – покачал головой Березов.

Я представила, что будет, если мы не выберемся. Никто не дает гарантию, что если все станет совсем плохо, мы не станем пробовать на вкус друг друга, и осознание этого по-настоящему привело в ужас.

– Вы можете починить этот электрогенератор? – спросила я Василия.

Тот нахмурился:

– Возможно. Еще бы знать, где он. Раз мы не наши его за столько лет пребывания в этой школе...

– Тогда постарайся найти его, – сказал Березов, а потом обратился ко мне. – Кристина, мне нужна твоя помощь.

– Моя помощь? – чуть заикаясь, переспросила я.

Историк кивнул, направляясь в сторону лестницы, пропадая из светового пятна от фонарика и сразу же превращаясь в большую движущуюся тень:

– Иди за мной.

Очень темно. Хоть глаза и начали потихоньку привыкать к этому, все равно было ощущение слепоты. Мы прошли сквозь открытую сейчас перед завалом дверь. Вдруг я поняла, что по мере нашего приближения к завалу становится несколько светлее. Видимо, свет проникал сквозь пространство между обломками. Только вот он был каким-то слишком странным...

– Смотри, – Березов внезапно остановился, и я чуть не влетела в него сзади. – Что это, по-твоему?..

Я присмотрелась. Учитель указывал на обломок стены, на который падал свет. Значит, сначала мне не показалось, и свет действительно был неестественным. Я протянула руку и потрогала белесую полоску, падающую на кирпич, и делающую его розовым вместо красного. Новый воздух был плотнее.

– Я не знаю.

Убрав руку от странного места, я поднесла пальцы к носу, принюхиваясь. Пахло дождем и еще – совсем немного – чем-то непонятным.

– Стоит ли нам выбираться отсюда? – покачал головой Березов.

– Лично я не собираюсь оставаться идохнуть от голода, – я дернула плечами. – Лучше пусть меня убьет то, что находится снаружи.

Я еще раз понюхала пальцы. Станный, странный, едва уловимый запах...

– В таком случае, попробуй потянуть вот этот кирпич, пока я буду держать тут, – деловито отозвался историк, тыча пальцем в названные места. – Это не должно быть тяжело, но эффект будет весьма полезный.

Через некоторое время нам удалось немного сдвинуть камни стен, заваливших лестницу. Просвет стал шире, но меня это только больше напрягло. Березова, кажется, тоже, но он ничего об этом не говорил.

Мы продолжали работать, пока на поверхности не стало темнеть – свет превратился из белесого в серый, а желтоватое небо, уже показавшееся довольно большим куском, потемнело до синего.

– Давай закончим завтра, – наконец, предложил мужчина, вытирая лоб рукой и, конечно же, оставляя на нем полосу из пыли.

– Как скажете, – я оттерла ее чудом оставшимся относительно чистым рукавом своей кофты, чем вызвала улыбку со стороны историка, правда, ее было почти не видно из-за темноты. Мы приземлились на осколки стен побольше, и замолчали, безмолвно оценивая проделанную работу. На самом деле, физический труд сейчас был как никогда необходим – мозг отключался, и я могла не беспокоиться, что буду думать о том, что произошло с родителями. Березов, наверное, считал точно так же.

Вдруг прямо над нами загорелась лампочка, а из основной части подвала донеслись радостные возгласы.

– Кажется, все починили, – улыбнулась я.

– Значит, сидеть остаток вечера в темноте нам не придется, – тряхнул головой историк.

В коридор зашел Василий, критически осматривая сделанный проход.

– Молодцы, – наконец, изрек он. – Но поесть нам сегодня не придется.

При слове «поесть» мой желудок вновь, в который раз за последние часы, свело от голода.

– Завтра, как только мы закончим с завалом, первым же делом иду за едой, – я схватилась за живот.

– Это опасно, – возразил Березов.

– Мне плевать, я есть хочу, и никто не сможет меня остановить, – отрезала я. – Да, этот новый воздух пахнет слегка странно, он влажный, мутный и тяжелый. Но ничего страшного не случится, если я сбегая через дорогу и возьму еды с полок продуктового.

– Если от него еще что-то осталось, – вставил информатик.

– Это уже второй вопрос, – отмахнулась я. – В округе не один супермаркет.

Березов покачал головой. Я знала, что он терпеть не может, когда что-то идет не по его, но сейчас нужно было выжить. Какая разница – умрем мы от голода или от того, что творится снаружи?

– Пойдемте к остальным, – понял наши противоречия Ко-

лосовский. – Мы собираемся спать.

Мы с Березовым переглянулись и поднялись, следуя за информатиком. В основной части подвала все уже лежали на полу, кто, подложив под головы кофты, кто просто так. Историк нашел себе место в незанятом углу и улегся, постелив себе свой потрепанный после всего пиджак. Мне спать совершенно не хотелось. Я огляделась и присела на стул гардеробщицы. У нее здесь стоял стол, на котором валялся всякий хлам, но были и бумаги. Именно они привлекли мое внимание, и я, протянув руку, вытащила из стопки одну. Это был какой-то документ, с одной стороны чистый. Перевернув буквально все на столе, я обнаружила ручку и начала писать.

Чем это было? Посланием? Дневником? Я не знала. Просто вдруг откуда-то появилась потребность немедленно изложить все произошедшее на бумагу. И пусть это совсем не было художественной литературой – никто не требовал поэтичности, да и художественного в случившемся не было. Нужно было записать, как будто завтра я забуду все и начну жизнь заново – на самом деле, это было бессознательной надеждой каждого, находящегося здесь.

Я зевнула и посмотрела на написанное. Буквы к концу стали неровными, и вся бумага начала расплываться перед глазами. «Надо бы найти себе место для сна» – подумала я, занося руку, чтобы написать последнее предложение, но веки сами собой закрылись, и я, упав головой на стол, тут же за-

снула.

...Сон был беспокойным, в нем снова разрывались снаряды, и уже я буквально тащила на себе Березова, а он упирался, бормоча что-то непонятное и прибывая в полубессознательном состоянии. В конце концов, на нас упала стена, и я проснулась от того, что раненую руку свело болью. В абсолютной темноте мне таки удалось найти себе место на полу, и я, чувствуя, как по щекам текут слезы, свернулась калачиком и снова забылась. Но всю ночь, даже во сне, меня преследовало ощущение, что за мной кто-то внимательно и неотрывно наблюдает.

Глава 3

Я не открывала глаз, хотя и проснулась. Да, я надеялась, что все произошедшее – просто слишком реалистичный кошмар. И пусть я знала, что точно могу отличить сон от реальности, хотелось верить в эту безумную идею. Конечно, боль во всем теле и то, что я лежала на жестком холодном полу, уже почти разбили надежду, но я не хотела принимать то, что случилось.

Голод. Вот что я испытывала в первую очередь – дикий голод. И я была уверена, что не одна. Откуда-то слева доносилось урчание живота и следующий за этим болезненный вздох. Помня о том, что чем быстрее мы разберем завал, тем быстрее можно будет достать еду, я открыла глаза, сразу же садясь и обводя глазами подвал в поисках Березова. Все еще спали, но пиджак историка аккуратно висел на стуле гардеробщицы, а его самого след простыл.

Я встала, разминая затекшие и ноющие мышцы, и пошла к коридору, переступая через спящих. Оттуда уже доносился стук камней, и я ускорила шаг.

– Доброе утро, – обернулся Березов, когда я подошла. Он был бледный и серьезный – совершенно не удивительно...

– Утро, – кивнула я. Голос был хриплым после сна. – Вы рано...

– Кушать хочется, – односложно ответил мужчина. – Мо-

жешь придержать вот это, пока я сдвигаю тут?

Просвета было уже почти достаточно, чтобы я могла пролезть наружу. Я сделала, как меня просили, и с каждым новым отодвинутым камнем проход становился все больше.

– Ты правда хочешь туда? – не прекращая работу, спросил Березов.

Я вздохнула:

– Рано или поздно нам всем придется выйти на поверхность. Мы же не можем сидеть тут вечно.

– Там опасно.

– И? – я опустила кирпич на пол, тут же кладя вокруг и на него еще несколько, тем самым создавая опору. – Нам повезло выжить один раз. Повезет второй – случайность станет закономерностью.

– Я бы не был так уверен, – хмуро сказал историк.

– Вот увидите, – как же мне самой хотелось верить в то, что я говорила.

Я потянула на себя ближайший торчащий кирпич, и вскрикнула: часть завала со страшным грохотом начала рушиться прямо передо мной. Если бы не Березов, мощным рывком оттащивший меня за капюшон кофты назад, это все упало бы на мою голову.

Обрушение подняло облако белесой пыли, окутавшей нас, словно туман, и мы начали отчаянно кашлять. Только когда оно более-менее улеглось, историк развернул меня к себе, пристально оглядывая – видимо, на предмет ранений.

– Закономерностью, говоришь?

Я посмотрела наверх. Проход стал настолько большим, что теперь в него можно было войти, просто согнувшись, а не проползая, как мы намеревались сделать сначала.

– Закономерностью, – кивнула я.

– Что произошло?..

Из-за угла выбежал взбудораженный Колосовский, за ним опасно выглянули остальные. Все выглядели заспанными, осунувшимися, напуганными и очень потерянными – даже Лосев растерял свою надменность, моргая и щурясь от попадающей в глаза пыли.

– Мы расчистили проход, – ответил Березов, отряхивая рубашку, которая уже из черной бесповоротно превратилась в серую.

Информатик осторожно подошел ближе, смотря на бело-желтое небо, отразившееся в стеклах его очков вместе с нескрываемым слепым ужасом в глазах.

– Молодцы, – тихо сказал он. Кажется, он хотел что-то добавить, но остановил себя и обернулся к остальным. – Идите обратно, нам нужно поговорить.

Все переглянулись и беззвучно повиновались. Один только Лосев задержался, неприязненно смотря на Василия, но и он вскоре последовал за остальными. Только убедившись, что все ушли, мужчина повернулся к нам с Березовым и покачал головой:

– Это было плохой идеей, разбирать этот завал. Вы в кур-

се, что там, наверху? – информатик снизил голос до шепота. – Чувствуете запах?

Мы с Березовым приняохались. Тот же дождь... и металлом отдает чуть-чуть. И тот самый странный запах. Не сильный, едва уловимый, но раньше я его никогда не чувствовала, поэтому так заметно. Я повернулась к историку.

– Что это? – еле слышно спросила я.

Мужчины переглянулись.

– Мы не знаем, – наконец, так же тихо ответил Василий. – Это радиация и, судя по всему, какое-то химическое оружие.

Вот оно. Теперь все стало ясно: и их страх, и нежелание подниматься на поверхность, и этот самый странный запах.

– Но ведь мы уже разобрали эти руины. Радиация и химикаты уже здесь, – я дернула плечом, еще до конца не осознавая смысл своих слов. – Что еще может случиться?

– Там опасно, – упрямо сказал Колосовский. – Мы не знаем, как действует это химическое...

– Плевать, я иду, – я помотала головой, – попробую найти еду. Но без вас, и вы меня не остановите.

– Интересно, с чего бы? – выгнул бровь информатик.

Я закатила глаза:

– С того, что вам нужно следить за остальными. Меня они слушать не будут, Зинаиду Николаевну – тоже. К тому же, случайность уже стала закономерностью, – с нажимом закончила я, глядя на Березова.

Тот поджал губы:

– Благодаря мне. Предлагаешь пойти с тобой?

– Нет, – я замахала руками. – Пусть идет... ну хоть Лосев.

– Почему? – в один голос спросили мужчины. Колосовский – с любопытством, Березов – настороженно.

– Его не жалко.

Произнеся это вслух, я действительно поняла, что мне откровенно все равно, умрет он или нет. На него мне всегда было плевать, а вот ему на меня, похоже, нет. Все знали, что он так и не свыкся с тем, что не победил в выборах главы ученического совета. Лосев искренне и наивно полагал, что людей можно склонить в свою сторону природной харизмой и симпатичной внешностью. Считал, что высокий рост, атлетическое телосложение, черные волосы и зеленые глаза вкупе с искрометным юмором сделают его королем школы. Вот только люди не пойдут за шутком, им нужен руководитель. И им стал мой брат, а не он, хоть к этому не стремился, а Лосев с этого момента возненавидел и брата, и меня.

Кажется, учителя не поверили, но на это мне тоже было плевать. Я просто хотела наверх; еда – это все, чем были заняты мои мысли. Пусть даже она пропитана радиацией, как и все на поверхности, а теперь и здесь.

– Мы не можем отпустить вас, – сказал информатик.

– Мы уже достаточно взрослые, чтобы принимать такие решения самостоятельно, – озлобилась я.

– Я пойду с ними, – вздохнул Березов, глядя на Василия. – Проследи за остальными.

По лицу Колосовского можно было легко прочесть, что он о нас думает, но и на этот раз он смолчал.

Я перевела взгляд на историка – я не хотела, чтобы он выбирался на поверхность – Василий в чем-то прав, там опасно. На самом деле, из всех выживших он был тем, чья жизнь мне действительно небезразлична. Связано ли это с тем, что он уже дважды за последние двое суток спас меня?

– Я позову Лосева, – наконец, нарушил тишину Василий и, развернувшись, ушел.

Прошло немного времени, прежде чем он вернулся. Одиннадцатиклассник следовал за ним, уже с привычной кисло-надменной миной.

– Что там? – прямо спросил он, подходя и кивая головой наверх.

– Радиация и какое-то неизвестное химическое оружие, – сказал Березов, освободив меня от необходимости отвечать. – Если боишься – не иди.

Казалось, Лосеву даже в голову не приходила мысль, что кто-то может подумать, будто он чего-то боится. Со всем презрением он произнес:

– Еще чего. Иду, естественно.

– В таком случае, вперед и с песней, – я решительно сжала кулаки, поворачиваясь к проходу и ставя ногу на первый кирпич. За спиной послышался сдавленный звук – кажется, Березов хотел что-то сказать, но передумал. Я полезла дальше.

Что ждало нас наверху? За ту минуту, что я карабкалась, мою голову успел посетить целый рой мыслей и эмоций – от страха до какого-то нездорового и абсолютно странного, неуместного и полностью отрицательного предвкушения. Но самой ужасающей была мысль «что, если мы не достанем еду?», она стучала и стучала в виски, как бы я ее не пыталась выгнать из головы. Наконец, я выбралась, и мои ноги коснулись земли. Слишком мягкой и рассыпчатой, чтобы быть асфальтом.

...Это был пепел. Я не поднимала головы, неверяще смотря под ноги и понимая, что то, серое, на чем я стояла, было пеплом. Ноги погрузились в него почти по щиколотку, как в песок, и я почувствовала, как он, еще теплый, попал в кеды.

За мной послышалась возня – на поверхность выбрались Лосев и Березов.

– Боже... – ошалело произнес последний, и я все же решилась поднять глаза.

Новый мир был не таким, каким я его представляла.

Было страшно.

От тех домов, в которых раньше жили люди, остались только каменные коробки с чернеющими окнами – из тех, которые не разрушились до основания. Деревья, только вчера покрытые нежными маленькими и только проклюнувшимися из почек листочками, сейчас были обуглены, и их черные ветки перечерчивали решеткой белесое, грязно-желтое

небо. Из-под обломков, не выдержавших бомбежки, и разрушенных домов торчали человеческие руки и ноги. Но даже это не было самым страшным. Самым страшным был воздух – тяжелый, мутный настолько, что дальние руины уже расплывались в желтом тумане, и липкий. В нем кружилась черная пыль, как будто взметнулась только что. Казалось, черные точки просто зависли в воздухе, но приглядевшись, можно было увидеть, что на самом деле они просто очень медленно движутся к земле. А еще стояла абсолютная, глухая тишина.

Березов закашлялся, прерывая ее, и я обернулась.

– Нужно чем-то прикрыть нос и рот от этого, – историк потыкал пальцем в воздух, видимо, имея в виду черные точки.

– У меня ничего нет, – я пожала плечами и приложила согнутую в предплечье руку к лицу. Березов повторил мое движение, а Лосев демонстративно сунул руки в карманы.

– Идем, – проговорил Березов.

Я сделала пару шагов по новой земле, и кеды оказались напрочь испачканы. Пепел, к тому же, взметнулся в воздух, но, видимо, был тяжелее, чем черная пыль, так что осел обратно. Я старалась передвигаться как можно осторожнее, чтобы поднимать как можно меньше пепла, впрочем, помогало это мало, поэтому я очень скоро плюнула и зашагала привычными широкими шагами, вздымая за собой серую дорожку, на некоторое время повисающую в воздухе.

От дома, отделяющего школу от проезжей части, остались только груды обломков с лежащими под ними людьми. Перейти дорогу обойдя их, чтобы оказаться в продуктовом, не представлялось возможности.

– Нужно лезть через это, – озвучила я очевидный факт.

– Да ты что, – язвительно заметил Лосев, но его я даже не слышала, пытаюсь забраться на ближайший камень. Это мне удалось только открыв нос, куда тут же залетела черная пыль. Я чихнула, но карабкаться не прекратила, и вскоре уже оказалась чуть ближе к середине обломков. По характерным звукам даже не оглядываясь, можно было понять, что Березов и Лосев лезут следом.

Вскоре я оказалась на самой высокой точке руин. Оттуда была видна вся улица, терявшаяся в тумане, точнее, то, что от нее осталось. Перевернутые и сгоревшие редкие машины с трупами внутри. Обугленные деревья на аллее. Желтый свет. Вся открывшаяся жуткая картина парализовала, и я смогла только прикрыть рот рукой, широко раскрыв глаза от ужаса.

Нужно было идти. Магазин, к счастью, был разрушен только наполовину, и вход был завален лишь отчасти. Мы спустились с обломков и направились прямо туда, обходя то, что осталось от машин и деревьев на аллее. Было непривычно и неестественно тихо, и тишина не нарушалась даже нашими шагами по асфальту, покрытому пеплом. Подойдя к супермаркету, я остановилась перед входом. Внутри было

темно и грязно, сквозь большие окна можно было разглядеть сваленные стеллажи с едой и питьем, которые, видимо, не были прикручены к стенам, как некоторые.

– Здесь же никого нет, кроме нас? – тихо спросила я.

– Вроде, – ответил Березов и оттащил от двери приваленный к ней небольшой обломок стены. Путь был расчищен.

Мы вошли внутрь. Там было еще страшнее, чем снаружи, хоть и не висела в воздухе черная пыль, но я уверенно направилась к полкам. На них еще была еда, и тут я потеряла волю, падая перед стеллажами на колени. Ближайший ко мне уже жесткий батон хлеба был беспощадно разорван и съеден целиком, та же участь постигла и булочку с каким-то повидлом, и снек, и коробочку сока, и полпакета чипсов... я набивала свой живот всем подряд как какое-то животное, не в силах остановиться, и чувствуя, что желудок начинает дико болеть от того, что так внезапно наполняется.

– Крис, стой, прекрати, – Березов перехватил мою руку прежде, чем я высыпала в рот оставшиеся чипсы.

– Что? – я перевела на него мутные глаза. Вокруг его рта были крошки, и я поняла, что ела не одна.

– Не так быстро. Ты же не хочешь, чтобы тебе стало плохо?

В это же мгновение я отвернулась, и меня вытошнило прямо на пол.

– О Боже...

– Вот об этом я и говорю, – покачал головой историк, гля-

дя, как я неловко отодвигаюсь и вытираю рот рукавом кофты, делая лицо серым от пыли.

– Вода, – прохрипела я, бросаясь к стеллажу, прикрученному к стене. На нем стояли чудом не свалившиеся пластиковые бутылки с водой, и я сразу же взяла одну, опустошая почти полностью, и остатками умывая лицо. Горло неприятно саднило, желудок, казалось, скрутился в узел, и все так же хотелось есть.

В соседнем зале послышались кашель и булькающие звуки – кажется, Лосев повторил мою ошибку.

– Но я хочу кушать, – чуть не всхлипнула я, переводя глаза с Березова на еду, с нее на лужу рвоты, и с нее обратно на Березова.

– Съешь вот это, для начала, – он протянул мне несколько кусков хлеба, и я осторожно съела каждый. Вроде, все было нормально. – Вот видишь.

Он сам отправил в рот оставшийся хлеб, и запил водой со стеллажа.

– Нужно собрать еду для остальных, – продолжил историк. – Бери с кассы большие пакеты или, если их нет, корзины, и все, что найдешь пригодного в пищу, – он с грустью посмотрел на разбившиеся банки с кока-колой и солеными огурчиками, плавающими в луже рассола, смешанной с пылью, грязью и крошкой штукатурки.

– Все-все? – переспросила я, направляясь к кассам.

– Что унесем, – кивнул мужчина.

Я увидела торчащие из-под обломка пакеты, и уже протянула к ним руку, как вдруг наткнулась на что-то мягкое, липкое и холодное, напоминающее кусок мяса. С тихим вскриком я отдернула ладонь – она оказалась испачкана в крови. Я с опаской посмотрела на это место. Это была сломанная шея кассира, с выглядывающим наружу позвоночником и облитая кровью – кусок потолка просто проломил ему голову вместе с шеей.

Я попятилась. Это было слишком... страшно. Отвратительно и тошнотворно. Я отвернулась, зажав рот рукой, не испачканной в крови, и медленно пошла обратно к стеллажам, где уже собирали провиант бледный Лосев и Березов.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил историк, отвлекаясь от сбора еды в корзину.

– Там... – я не смогла больше ничего сказать, только махнула рукой в крови в сторону касс, и почувствовала, что она, как и все мое тело, мелко дрожит.

Березов тут же поставил корзину на пол, и подошел ко мне, беря мои руки в свои – у него были теплые и мягкие ладони, и это почему-то успокаивало.

– Успокойся, – тихо сказал он. – Я туда пойду, а ты пока собирай еду.

– Хорошо... – почти прошептала я.

Лосев, находившийся тут же, рядом, презрительно фыркнул и закатил глаза, но на него мне было откровенно наплевать. Я начала брать с полок и с пола еду и питье, кладя их

в корзину.

– А что делать с этим? – спросила я у Лосева, показывая на пятилитровые бутылки, стоявшие внизу.

– Хрен знает, – буркнул парень. – Возьмем одну, на день, надеюсь, хватит.

Я кивнула и прошла в соседний отдел – там продавались предметы гигиены, вроде влажных салфеток и носовых платков. Там же были и спички, и дешевые носки, и маломощные фонарики без батареек, и все, что душе угодно, кроме действительно нужных и качественных вещей. Я собрала упавшие коробки спичек, положив их в карман, в корзину же отправились несколько фонариков, мыло и носки.

Из ниоткуда возник Березов. Он одобрительно покачал головой, глядя на меня, и протянул пакеты, которые держал в руке:

– Возьми, не будем оставлять их тут.

Я тут же взяла один и переложила все из корзины в него:

– Хорошо. Возвращаемся?

Историк кивнул и забрал одну корзину из двух у подошедшего Лосева, который нес еще и пятилитровую бутылку, я взяла свой пакет в не замотанную бинтом руку, и мы, последний раз оглянувшись на магазин, вышли на улицу.

...Перед тем, как спуститься в бункер, я посмотрела на небо. Оно оставалось таким же страшным, белесым, желтоватым и мутным. Не верилось, что когда еще вчера я шла сюда, оно было моего любимого светло-голубого цвета. А те-

перь все так. Прежняя жизнь с ее красками закончилась, осталось только желтое небо, красная кровь и серый пепел.

Глава 4

– Не ешьте все сразу! – воскликнула я, глядя на то, какими голодными глазами смотрят на еду все в бункере, начиная от Василия и заканчивая безвинным Нежиным. – Вам станет еще хуже.

Информатик и Дорога кивнули. Остальные же, как будто не слышали, что я сказала. Никто даже не спросил, что там наверху, когда мы вернулись. Все просто уставились на еду так, как будто готовы разорвать нас на месте, только бы добраться до пищи.

– Каждый сейчас получит немного. В ваших же интересах есть аккуратно, чтобы не получить заворот кишок, – перевел мои слова на доступный им язык Березов. – Если все будет в порядке, сможете взять еще. Совсем не хочется оттирать тут все от вашей рвоты, тем более что нам тут, похоже, придется жить.

– И долго? – спросил с полным ртом хлеба Жуков некоторое время спустя. – Долго нам тут придется жить?

– Не знаю, – пожал плечами историк. – Нам всяко нужно будет куда-то передвигаться, потому что еда в супермаркете рано или поздно закончится.

– И есть вероятность, что мы тут не одни, – вставил Колосовский, отрываясь от поедания паштета из банки.

Я вспомнила книги и фильмы про подвергшихся воздей-

ствию радиоактивного излучения людей и животных, и какие у них проявлялись мутации. Кто знает, может, мы теперь можем встретить двухголового метрового монстра вместо обычной бездомной дворняжки? Я внутренне содрогнулась – кинофобия давала о себе знать. А вот если передо мной действительно появится что-то большое, страшное, мутировавшее от собаки и к тому же агрессивно настроенное, я, наверное, умру на месте.

Хотя, почему только собаки? Ведь людей сейчас даже больше, чем собак... зомби-апокалипсис? Я тряхнула головой, прогоняя откровенно глупые мысли.

– Думаешь, есть еще выжившие? – тихо спросил Березов.

Я зажмурилась, сидя в углу и уткнувшись носом в колени. Родители. Они вместе со всеми были на параде – нетрудно догадаться, куда стали бы кидать ракеты в первую очередь. Чертов парад ко Дню города. Мне не хотелось думать, что они погибли там. Они не могли погибнуть *так*. Может, они в тот момент решили уйти и спустились в метро... и они хоть и получили какую-то дозу радиации, как и мы все, но хотя бы живы. Да, пусть будет так. Пожалуйста, пусть будет так.

– Нужно это проверить. Ведь если есть выжившие, у нас больше шансов выйти из зоны радиации и прийти туда, где бомбежки не было. И узнать, что произошло, – информатик сжал кулаки.

– Радиации? – спустя повисшую в воздухе паузу осторожно переспросила Маша.

Колосовский широко распахнул глаза, когда понял, что только что сказал, но отрицать очевидное было уже поздно.

– Да, радиации. Вы все равно бы узнали, и все равно уже все облучены, – вздохнул Березов. – На поверхности нас всех ждет покрытая пеплом земля, разрушенные дома, обугленные деревья, черная пыль, мутный туманный воздух и – радиация.

На этот раз молчание было куда дольше. Все словно думали, верить его словам, или нет – как будто можно было создать из воздуха другую, подходящую для них реальность происходящего.

– Мне страшно... – еле слышно прошептала Ника, обращаясь к Маше, но услышали это все.

– Нам всем страшно, – кивнула Дорога. – Но выход всегда найдется.

– Какой? – горько спросил Жуков, разрывая батон хлеба руками и отправляя кусок в рот.

Ему никто не ответил.

Действительно, какой? Да, если захотим, мы можем за сутки выбраться из города, но ведь зона радиации куда больше, чем он. Куда нам идти? Что делать? Как выжить? Что произошло с остальным миром? Я достала из кармана телефон и нажала на кнопку включения, но он так и оставался безгласным черным куском металла и пластика. Сети не было, связи, как можно было сразу понять, тоже. Я вздохнула и, проведя пальцем по треснувшему экрану, убрала телефон

обратно. Как же было хорошо раньше. Сеть была даже здесь, в подвале, сюда хорошо доходил сигнал, даже у гардеробщицы постоянно играло радио... радио?!

Я вскочила и кинулась к столу, за которым совсем недавно писала. После меня он был еще больше завален бумагами и газетами, но скинув половину, мне удалось откопать приемник. Все присутствующие неотрывно и испуганно наблюдали за мной.

– Ну же, включайся... – я вытянула вверх антенну и нажала на главную кнопку.

Из приемника донеслось нечленораздельное шипение.

– Нужно вынести его на поверхность, – Березов понял, чего я добиваюсь, и подхватил его со стола, направляясь к выходу.

Мы снова были на поверхности, но на этот раз нас не волновало небо, воздух, пыль и пепел – мы были заняты приемником.

– Давай же, – историк включил радио, но ничего, кроме шипения, мы не слышали, как и в бункере.

Я начала крутить ручку настройки частоты. Неужели мы так и не узнаем, что произошло?.. Ведь можно гадать сколько угодно, кто бросил эти бомбы, что случилось со всем остальным миром. Иметь все, чтобы это узнать, но в то же время не иметь возможности это сделать.

– О Господи, – слышали мы и обернулись. Возле входа в бункер стоял Колосовский и потрясенно смотрел по сто-

ронам, пытаюсь осознать эту реальность. Его глаза были расширены, и в них без труда угадывался страх и желание, чтобы все происходящее оказалось сном, фантазией, не более.

– Да, – ответил Березов, – все так.

Информатик на негнущихся ногах подошел к нам, зарываясь ботинками в пепел, и без слов взял из наших рук приемник, осматривая его.

– Он не будет здесь работать, – наконец, сказал он.

Я почувствовала, что мое сердце рухнуло куда-то вниз. Пока мы с историком крутили его и пытались поймать сигнал, была какая-то надежда, а сейчас она испарилась совсем.

– Совсем не будет? – переспросила я.

– По крайней мере, в городе, – покачал головой Колосовский. Он снова поднял голову, смотря на этот страшный новый мир, и приемник бы выпал из его внезапно ослабевших рук, если бы Березов не подхватил его.

Я знала, что он чувствовал. Самой большой эмоцией был не страх. Отчаяние – вот то самое, что мы все ощущали в самой большей степени. Можно было бояться происходящего, и было бы даже странно, если бы кто-то не боялся – но ощущение *безнадежности* было сильнее всего. Отсюда нет выхода. Выйдем мы из города, да даже из зоны радиации – и что с того? Мы все облучены и скоро умрем. Наши близкие, скорее всего, тоже умерли. Какой теперь смысл за что-то бороться? За себя?

Я почувствовала, что меня начинает тошнить. Неужели

опять еда? Все же уже было нормально... я согнулась пополам, отчаянно кашляя тем небольшим количеством хлеба, который съела. Наконец, когда я уже начала думать, что сейчас меня просто вывернет, все закончилось, и я подняла голову, пытаюсь отдышаться.

Учителя очень странно и испуганно на меня смотрели.

– Все? – спросил Василий.

Я только кивнула.

– Идем обратно, – тихо сказал Березов.

– Нужно выбраться из города, – сказал Колосовский через несколько часов, когда все собрались в кругу на середине подвала, чтобы покушать еще не закончившейся принесенной еды.

Все уже умыли пыльные лица, промыли раны и наложили чистые бинты, куда нужно, поэтому выглядели свежее. Даже я сменила бинт на руке на новый, и теперь он выглядел белоснежным на фоне общей грязи и пыли. После всех этих нехитрых процедур вкупе с едой жить стало чуточку лучше, вот только во всем теле ощущалась ужасная слабость. Да и Березова с Лосевым тошнило, как и меня.

Мне никто ничего не сказал об этом, но я не дура, чтобы не догадаться, что это последствие облучения. Не знаю только, можно ли по этим симптомам определить, скоро ли мы умрем, но сейчас это было неважно.

– Зачем? – спросил Жуков.

– Мы не можем оставаться в зоне радиации вечно, – пояснил Березов. – Тем более, нужно выяснить, что произошло с миром, а сделать это можно только выбравшись из города.

Надеюсь, в мире еще остались живые люди. Если снаряды долетели даже сюда, в нашу дыру буквально в середине континента, то что же произошло с теми городами, которые находятся прямо рядом с границей?

– Скажите, – впервые подала голос Маша, – а разве мы не должны были услышать сирену ядерной тревоги до того, как на нас сбросили бомбы?

Все затихли. Даже шуршание оберток еды прекратилось.

– А ведь верно, – только и смог сказать Колосовский.

Я снова вспомнила, как это было. Все в абсолютной тишине. Только слышались взрывы, удары осыпающихся стен друг о друга и об пол, крики людей. И ничего больше. Никакой сирены.

– Тогда тем более нужно узнать, что произошло, – произнес Березов.

– А если от этого нам станет еще хуже, чем сейчас? – заинтересовалась я. – Вдруг эти... кто затеял это все, хотели убить всех, а выжили мы. Они же не станут церемониться и просто нас прикончат.

Конечно, сейчас я хотела узнать, что произошло на самом деле, больше всего на свете. Но осторожность брала верх.

– Вполне возможно, – кивнул мне Василий. – Но что если есть и другие выжившие, кроме нас, которым, может быть,

нужна помощь, или которые бы смогли помочь нам?

Я скептически хмыкнула. Вряд ли кто-то сейчас может нам помочь, или тем более мы – кому-то.

– В любом случае, нам нужно выйти в город и если не най-ти людей, то найти себе новую подходящую одежду, средства первой необходимости и медикаменты, – сказал Березов.

Было очень тяжело. Все конечности как будто налились свинцом, и мне казалось, что я даже руку не смогу поднять, но тем не менее, я как могла уверенно сказала:

– Тогда идем? Ближайший торговый центр в четырех кварталах отсюда, надеюсь, он не до конца разрушен.

Как хорошо, что наша школа находилась в центре города. Рядом было все, что только можно себе позволить – несколько аптек, пара продуктовых супермаркетов, большой торговый центр «Мир», спортивный комплекс, почта, даже оружейный магазин и памятник Сталину. Если это все не разрушено до основания, то у нас есть шанс достать то, что нам нужно для того, чтобы выжить, и даже выбраться из города.

– Извините... можно я тоже пойду с вами? – тихо спросил Жуков.

Все удивленно перевели на него взгляды.

– Просто, я мог бы помочь, – продолжал парень. Я внимательно его оглядела – на первый взгляд, после самой катастрофы он выглядел почти самым здоровым, да и лишние руки нам не помешают, если мы найдем что-то нужное.

Я вопросительно посмотрела на Колосовского и Березова.

Те переглянулись, и потом информатик кивнул.

Сережа поднялся с пола, и, протянув руку, помог встать мне.

– Идем, – историк и информатик тоже встали на ноги.

– Зинаида Николаевна, вы остаетесь за старшую, – сказал Василий. Учительница кивнула, а Лосев презрительно скривился, отвернувшись и собираясь уйти в коридор.

– Артем, будь здесь, на всякий случай, пожалуйста, – я посмотрела на него.

– Указываешь мне? – тут же взъелся темноволосый.

Я озлобилась. Да почему он каждое слово всех вокруг воспринимает, как умаление собственного эго? В нашем-то положении!

– Не будь дураком, – с трудом сдерживая себя, посоветовала я, – хватит ругаться.

– Даже не начинал. И я не подчиняюсь приказам зазнавшейся малолетки.

Ей-богу, что с ним не так?

– Лосев, совсем страх потерял? – спросил Колосовский. – Она права, и, будь любезен, сделай, что она сказала.

Парень только фыркнул, но спорить с информатиком не стал, поэтому просто скрестил руки на груди и плюхнулся на скамейку. Мы повернули в коридор подвала, и я покрутила пальцем у виска.

– Не обращай на него внимания, – сказал Березов.

– Мне все равно, что он там себе думает, – ответила я, –

но ругаться со всеми без повода... я же не сказала ему ничего такого.

– Он сейчас не в себе, как и мы все, – вставил информатик, уже выбираясь из бункера на поверхность и останавливаясь. Конечно, мы все еще долго будем обживать эту новую реальность. Естественно, если выживем сейчас.

Последним шел Жуков. Он на самом деле застыл с абсолютно остекленевшими глазами, из которых через мгновение выкатилась маленькая слеза, тут же убранный его локтем.

– Идем.

Странно, но черная пыль, которая поначалу попадала в нос и в рот, перестала ощущаться. Неужели мы так просто можем к чему-то привыкнуть?..

Я надела капюшон толстовки, чтобы пыль не попадала в волосы – неизвестно, когда удастся помыть голову.

Мы шли и шли по пеплу, который даже не думал остывать, хотя прошло уже больше суток. Наконец, мы добрались до торгового центра, в который угодил снаряд, так что половина его была разрушена. Кое-где еще даже прыгали маленькие язычки пламени, но тут же угасали. Мы вошли внутрь сквозь не заваленные обломками двойные двери для персонала, и очутились в крошечной темноте подсобных помещений. Березов включил фонарик.

Вокруг был жуткий бардак. Куски стен, толстые оголенные проволоки, потрескивающие провода, пыль, мертвые тела. Их даже не завалило обломками – они погибли от чего-то

другого. Радиация? Ток порванных электрических проводов? Пожар? Конечно, они не могли выйти на улицу, где бомбят, и поэтому отравились здесь угарным газом...

Мы шли дальше. Вскоре рядом с очередной заваленной двойной дверью обнаружилась огромная дыра с вылезавшими наружу балками и арматурой. Мы направились к ней и вылезли сквозь нее в холл, освещавшийся снаружи через проделанные ракетой дыры в потолке и большой зеркальной стене.

Повсюду лежали мертвые люди, и я замерла. Не может быть столько умерших разом. Они живы, сейчас они все поднимутся, отряхнутся, сотрут кровь с лиц, рук и спин, и... ничего не происходило. Такие же широко раскрытые стеклянные, или прикрытые веками глаза. Такие же жуткие раны и торчащие из-под обломков руки и ноги. Я зажмурилась.

– Идем, – вывел меня из этого состояния голос Березова. Он уже выключил фонарик и направлялся к ближайшему магазину – одежды.

Там, как и в холле и подсобных помещениях, было жутко. Не было такого количества мертвых людей, но все было в пыли и копоти, половина одежды валялась на полу.

– Неужели тут нет обычных футболок? – я пробежала глазами по предоставляемому товару, а потом подошла к полке, беря с нее какую-то непонятную майку с лямками.

Вдруг мой взгляд упал на стойку с джинсами, и я уверенно направилась к ней.

– Идите сюда, – позвала я, выбирая из предложенной кучи штаны для себя, Колосовского, Березова и Жукова. – Нам всем это не помешает.

– Нет, спасибо, – отказался информатик.

– Мы найдем себе что-нибудь в магазине для туризма, там точно должно быть все, что нам нужно, – поддержал его Березов.

Я пожала плечами и аккуратно упаковала две пары джинс в один из пакетов с кассы, и несколько недо-маек с лямками в качестве тряпок.

– Тогда нужен еще и строительный магазин. Не знаю, как вы, а я бы не хотела ходить по этому, – я окинула взглядом помещение, – без респиратора. А лучше противогаза.

Действительно, мертвые тела пахли, и пахли очень неприятно. Сначала я это не ощущалось в такой мере из-за всей ужасающей картины, но теперь запах разложения просто невозможно было игнорировать.

– Значит, идем, строительный магазин здесь на первом этаже, – Жуков вышел из дверей обратно в холл. – Можно взять оттуда еще и ящик с инструментами, они нам всяко пригодятся.

Несмотря на завалы и трупы под ногами, передвигались мы довольно быстро, и вскоре уже проходили внутрь магазина. Сережа уверенно свернул направо, в какие-то полки, затем налево, а мы только следовали за ним.

– Откуда ты так хорошо знаешь этот магазин? – спросила

я, нагоняя его.

– Мы с отцом часто бывали здесь, когда строили подсобные помещения на даче, – глухо ответил Жуков, и я поняла, как сильно облажалась. Да уж, лишний раз напоминать о семье и той, прошлой жизни до катастрофы, было совсем не к месту. Совсем.

– Понятно, извини, – выдавила я.

– Все нормально, – тряхнул головой парень, переступая через какое-то тело. – Лучше уж так, чем тешить себя мечтами, что кто-то жив. Вот там они были, – он указал на упавший стеллаж, видимо, имея в виду респираторы.

Подошедшие Колосовский и Березов приподняли полки так, чтобы мы смогли достать то, что под ними, но, посмотрев на наши с Жуковым лица, поняли, что что-то не так.

Под стеллажом был только выжженный пол с почти расплавившимися круглыми фильтрами – все, что осталось от респираторов. Учителя опустили полки обратно.

– Кажется, у нас проблемы, – я покачала головой.

– Как оригинально, – невесело ответил информатик.

– И что будем делать? – развел руками Березов.

Я вытащила из пакета одну из маек и разорвала по шву:

– Сделаем из этого маски. Это, конечно, не так эффективно, как респираторы, но хотя бы защитит нас от пепла и того, что летает в воздухе.

Я приложила кусок ткани к носу и рту и завязала на затылке. От запаха помогло не очень, но это была хотя бы неболь-

шая защита. Кто знает, вдруг это хоть немного спасет нас от неведомого химического оружия?

Все остальные последовали моему примеру.

– Ну, как-то так, – раздался голос Березова из-под маски. – Теперь нам нужен ящик с инструментами. Надеюсь, хоть они тут остались.

– Они там, – Сережа тоже стал звучать по-другому, – идем.

Мы направились за ним, перешагивая через строительные материалы, поваленные доски, рассыпанный из мешков грунт и выставочные модели дверей, козырьков крыш и всего остального. Повсюду был не только пепел, но и пыль. Вдруг я увидела кое-что интересное, и отбилась от группы, подходя к чудом оставшемуся на месте стеллажу. На нижней полке лежали большие топоры-колуны. Я взяла один в руку – он был тяжелым и мощным.

Все остальные заметили мое отсутствие и повернулись в мою сторону.

– Зачем он тебе? – спросил Колосовский с такой интонацией, с которой эту фразу обычно говорили мне родители, и я шмыгнула носом от таких воспоминаний.

– Пригодится, – я закинула топор на плечо и подошла обратно. Не волочить же его по полу.

– Вот инструменты, – Жуков остановился и указал рукой на сваленные в кучу немногочисленные ящики. – Берите тот комплект, который больше всего нужен. Они, по большому

счету, одинаковые, но кое-какие различия между ними есть.

В инструментах я не разбиралась, поэтому стояла в стороне, поддерживая сползающий с плеча топор, глядя на то, как мужчины открывают некоторые из ящиков и советуются друг с другом об их содержимом. Наконец, они пришли к какому-то согласию, и Василий поднялся, держа в руках серый комплект – выглядел он внушительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.